

ВЫПЬЕМ ЗА РОДИНУ!

Дмитрий Павлович Воронин родился в Клайпеде Литовской ССР в 1961 году. Окончил Калининградский государственный университет. Работает учителем истории и географии в сельской школе. Публиковался в периодике России, Украины, Германии. Член Союза писателей России, Конгресса литераторов Украины, Межрегионального Союза писателей Украины. Автор трёх прозаических книг, лауреат международных конкурсов «Согласование времён» (Германия), «Славянские традиции» (Украина), Национального конкурса «Золотое перо Руси – 2011» и др. Живёт в Калининградской области.

Ильич на городской свалке появился поздней осенью. Высокий сутулый старик в тёмно-коричневом драповом пальто, шапке-ушанке и в ботинках на толстой подошве медленно брёл среди зловонных завалов, шуруруя перед собой сучковатой надтреснутой палкой.

— Чего ищешь, дед? — обнажил в приветливой улыбке полубеззубый рот низкорослый мужичок в истрёпанной грязной фуфайке. — Скажи, может, чего посоветую.

— Так это... Вот, — засмутился, остановившись, старик, — бутылки пустые ищу.

— Бутылки? — нахмурился мужичок, подозрительно оглядывая новоявленного конкурента. — А чего это тебя на свалку занесло, в городе, что ли, бутылок уже не осталось?

— Не могу я в городе, — нервно сжал свой посох старик.

— Стесняешься... — понимающе усмехнулся божж. — Звать-то тебя как?

— Степан Ильич.

— Ильич, значит... Ну, а меня Витьком когда-то нарекли, а тут все Солнышком кличут, — протянул грязную ладонь Ильичу мужичок.

Старик с опаской подал на встречу свою дрожащую руку.

— Ты вот что, дед... Ты это, держись возле меня, тогда и при таре будешь, и не тронет никто, — снисходительно ощерился Витёк. — Тут у нас конкуренция ещё та, чужих особо не жалуют и побить могут запросто.

— Побить? — удивлённо посмотрел на бомжа старик. — За что?

— А то, — захихикал, радуясь удивлению Ильича, Витёк, — за дело. Я ж говорю, у нас новеньких не любят, лишний рот — лишние заботы. Вот ты, к примеру, явился сюда и думаешь, будто тут эти бутылки на каждом шагу разбросаны. А сколько в твоей сумке их, ответь?

— Одну пока нашёл только.

— Правильно, одну, — согласнo кивнул Витёк, — ну, может, ещё одну найдёшь или две — и всё.

— Как — всё?

— А то, — вновь засмеялся Солнышко, глядя на растерявшегося Ильича. — Ты, верно, думал, что здесь бутылки только для тебя одного и валяются, так ведь?

— Ну, не знаю...

— Ага, так, — довольно вскинул голову Витёк. — А тут нет ничего, ищи не ищи.

— Что, вообще?

— Ну, если ты экскаватор, то найдёшь.

— Так их чего, не привозят сюда? — вконец расстроился Ильич.

— Привозят.

— Чего ж ты мне тогда голову морочишь?

— Так когда их привозят, таким, как ты, возле них места нет, — открыто радовался стариковскому раздражению Витёк.

— Это почему? — покраснел от злости Ильич, чувствуя откровенную издёвку.

— Я ж говорил, у нас чужих не любят, побьют.

— Мне чего, назад уходить, ты на это намекаешь?

— Да нет, дед, ты мне понравился, — ободряюще хлопнул Ильича по плечу Солнышко. — А со мной тебя не тронут. Пошли.

— Куда?

— Познакомлю тебя со своей бригадой.

Умело лавируя между кучами гниющего мусора, Солнышко вывел старика на небольшую ровную площадку посреди свалки. Площадка была наполнена фанерными ящиками, картонными коробками, какими-то уродливыми строениями, напомунающими то ли огромные собачьи будки, то ли дровяники, то ли складские сарайчики. Возле этих построек, местами обтянутых полустлевающим брезентом, копошились люди, одетые в грязное рваньё.

— Кого ещё притащил? — выкатилось навстречу Солнышку бесформенное толстое существо

непонятного пола в рваном солдатском бушлате. — Чего ему тут надо?

— Не заводись, Софочка, не заводись, красавица, — раскинул руки Витёк, загораживая собой Ильича от неласковой бабы. — Хорошего вот мужика встретил, подумал, тебе жених знатный, ну и привёл познакомиться. А ты сразу кидаться, как пантера какая. Что о тебе интеллигентный человек подумает, а? Подумает, кавой-то мне Солнышко подсунуть хочет? Обещал красу ненаглядную, а на самом-то деле — гарпия натуральная.

— Балабол дурной, чтоб тебя! — под общий смех растянула в улыбке гнилой рот Софочка. — Тоже мне, нашёл жениха, пенька старого, — и, махнув рукой, миролюбиво обратилась к Ильичу: — Что, дед, из дома выгнали?

— Выгнали, выгнали, — опередил старика Витёк, не давая тому опомниться. — По себе знаешь, какие нынче детки пошли, не тебя одну на улицу выкинули, вот и Ильича тоже.

— Из-за квартиры?

— Из-за неё, из-за чего ж ещё, — продолжал отвечать за деда Солнышко.

— И идти больше не к кому?

— А то б он сюда пришёл!

— Слушай, Солнышко, — нахмурилась Софа, — чего ты за деда распинаешься, пусть сам говорит. Или он немой?

— А ты себя вспомни. Тебя когда из квартиры вышвырнули, много ль слов у тебя было?

— И то верно, — вытащила из кармана бушлата «Приму» Софа, — я тогда с месяц как пришибленная была, всё молчала. Никак до меня не доходило, кто что балакает, про чего спрашивают. Хорошо, сюда добрые люди привели, так тут только и отошла. Счас уж и не вернулась бы назад, что б ни сулили.

— Да... — философски протянул Витёк. — Жизнь — она, конечно, не подарок. Вот так живёшь-живёшь, вроде чего-то добился, вроде и хорошо тебе, как вдруг бах! — и в один момент всё кувырком, всё с ног на голову, будто снег среди жаркого лета.

— Сложно оно всё, это ясно, видать, на роду у людей так написано, — подтвердила значительную мысль Софа и повернулась к Ильичу. — А ты, дед, в Бога веришь?

Ильич вздрогнул от неожиданного вопроса, хотел было уже ответить, но Солнышко вновь оказался пророчнее.

— Верит, Софочка, верит.

— Это хорошо, — довольно закивала Софочка, отходя от мужчин, — без веры сейчас нельзя, а то так и свихнуться можно.

— Что это ты тут про меня такого наплёл, — нахмурился на Витька Ильич, — и бездомный я, и верующий?

— А чё, надо было похвастать, что у тебя особняк в трёх уровнях и ты помощник Жириновского, а бутылки сюда так пришёл собирать, для коллекции? — с издёвкой прищурился Солнышко.

— Вообще-то дома у меня и впрямь нет, — виновато сник старик, присев на грязный продавленный диван, стоящий возле покосившейся постройки.

— Ясно дело, — согласно кивнул мужичок, восприняв заявление Ильича как само собой разумеющийся факт.

— Вот только сын меня из него не выгонял, — продолжил начатое откровение Ильич, — сын меня попросту забыл. Как вышел лет двадцать в большие начальники, так и забыл, и меня, и мать — жену мою. Жена-то померла два года назад, так он и на похороны не явился, хоть и сообщали. У нас трёхкомнатная квартира была. Пока с женой пенсию получали, хватало за квартиру платить, а как жены не стало — задолжал я. Вот и решил трёхкомнатную продать, а себе однокомнатную купить. Чёрт меня дёрнул по объявлению, через посредника делать, хотел побольше денег получить, а в итоге оказался на улице без гроша, и не докажешь ничего.

Солнышко открыл было рот, но Ильич предупредил его.

— И не спрашивай, что и как, даже вспоминать не хочу. Жив остался — и то слава богу. Лето мыкался по знакомым да так, где придётся.

— А к сыну? — встрял всё-таки Витёк.

— Нет его у меня, — зло вскинул голову старик, — помер он вместе с женой.

— Как — помер? — удивился мужичок.

— Для меня он мёртв, раз даже мать свою схоронить не сподобился, — ударил, как обрубил, по разбитому дивану Ильич. — И всё, хватит об этом.

— Ну, а в милицию, собес?

— Где только не был, — с досадой отмахнулся Ильич. — Документы мои вместе с квартирой накрылись, а без них я кто? Никто! Гля я без бумажек этих...

— Это точно, — понимающе подтвердил Солнышко, — по себе знаю. У наших, что тут живут, почти у всех так. И что ты дальше думаешь?

— Не знаю. Сдохну, наверное, в эту зиму.

— Ты вот что, оставайся у нас. Тут и с голоду не умрёшь, и выпить всегда найдётся, да и крыша над головой какая-никакая.

Так Ильич и прижился на свалке. С утра на промысел — то бутылки собирать, мыть, сдавать, то продукты выброшенные сортировать, продавать, то металл, то запчасти. Да мало ли чего на свалку выкинут. Зиму Ильич с Витьком худо-бедно прокантовались, а по весне, когда уже теплом запахло, простудился Ильич на сквозняке, в горячке промучился недели две и помер однажды под утро.

— Отстрадался, сердечный, — посочувствовала Ильичу Софочка и повернулась к Солнышку. — Что делать со стариком-то будем? Сообщить в милицию от греха подальше, пожалуй, надо бы. Может, родственники какие объявятся. У него документы-то есть? Посмотрел бы по карманам...

— Да нет у него ничего, смязли документы. И родственников нет, сын только. Так он даже мать не схоронил, а Ильича и по-давно не будет.

— А ты всё ж проверь, может, какая бумага и завалилась.

Солнышко нехотя стал проверять карманы стариковской одежды. Проверил пальто, при-нялся за пиджак и вдруг за под-кладкой, напротив сердца, нащу-пал какой-то свёрточек. Витёк суетливо надорвал подклад, от-цепил от булавок мешочек, при-креплённый к пиджаку, и, вспо-ров его, вывалил содержимое на фанерный ящик.

— Ни черта себе! — раскрыла в изумлении гнилой рот Софочка. — Вот это да!

На ящике поблёскивала кучка орденов и медалей времён Вели-кой Отечественной войны. Сол-нышко дрожащими руками заво-роженно принялся сортировать Ильичёвские награды.

— Орден Красной Звезды, Отечественной двух степеней, ме-даль «За отвагу» и, посмотри, «За оборону Ленинграда»!

— Целый иконостас, — пора-жённо прошептала Софочка.

— Зови мужиков, — в волне-нии прохрипел толстухе Витёк, — да побыстрее!

Через несколько минут все обитатели «жилой площадки» со-брались возле Солнышкиного са-райчика.

— А Ильич-то геройский му-жик был, — уважительно пере-шёптывались они. — Это ж надо столько наград заслужить!

— Да-а... Кем же он на фронте был?

— Кем бы ни был, но то, что герой из героев, это точно, Ленин-град отстоял!

— Что делать-то будем? Надо бы властям сообщить, такого че-ловека с почестями хоронить по-лагается.

— А может, продадим ордена? Они ведь бабок бо-о-ольших сто-ят!

— Я вам продам, я вам сообщу! — возмущённо задохнулся Сол-нышко. — Я, итить вашу, любого замочу, кто хоть вякнет кому, что мы тут сейчас увидели.

— А ты что предлагаешь? — с интересом уставились на Витька бомжи.

— А вот что, — закурил сигаре-ту мужичок. — Не будем мы ниче-го никому сообщать. Если такой человек при жизни этим властям не нужен оказался, то после смер-ти и по-давно им он ни к чему. Су-нут, как бомжа, в общую могилу, а ордена запарят и продадут.

— Это точно, — закивали му-жики.

— Мы его сами похороним, — затушил сигарету Солнышко.

— Где, на свалке, что ли? — хихикнул кто-то.

— Нет, не на свалке, — ожёг всех взглядом Витёк. — В роще за свалкой. Пусть у нас будет своя могила героя, свой блокадник, свой Неизвестный солдат.

— Правильно, Солнышко, — заплакала вдруг Софа. — Ильич — душевный старик был, да ещё и герой, уж я-то за его могилой каж-дый день присматривать стану.

— А награды куда денем?

— А награды вместе с ним схороним, — строго ответил Витёк.

— Верно, Солнышко, правильно, — одобрительно раздавалось со всех сторон.

— И кто на ордена, не дай бог, позарится — тому не жить. Понятно? — пылал глазами Витёк.

— За кого ты нас держишь?

— На куски искромсаю, кто могилу Ильича тронет.

— Солнышко, с этим понятно, вопрос в другом. Могилу-то не скроешь, обнаружат её — надругаться могут.

— Я это уже продумал, — согласно кивнул Витёк. — Мы не станем делать настоящую могилу — холмик там, крест, оградка. Мы Ильича под липой похороним. Помните — там, в роще, на полянке?

— Ну.

— Похороним и кострище на том месте разведём, чтоб знать, где точно лежит. Чужим невдомёк, а мы приходиться будем, поминать. Костёр разведём — и Ильичу тепло, и нам благостно.

— Молодец, Солнышко, всё верно, — согласились бомжар.

Весь день население «жилой площадки» с энтузиазмом готовилось к погребению Ильича. Сколотили гроб из досок от ящиков, обтянули его чёрным материалом, завалившимся у одного из обитателей свалки. Софа Ильича обмыла, передела в чистое бельё из своих запасов, Солнышко укрепил на груди героя награды, и вечером, когда стемнело, траурная

процессия двинулась к выкопанной могиле. Гроб опустили в яму, быстренько засыпали землёй, тщательно притоптали и тут же на скорбном месте развели костёр.

— За Ильича, — поднял кружку с суррогатом Солнышко. — Пусть земля ему будет пухом, — выпил он содержимое до дна.

— За героя! — застучали друг о друга остальные кружки...

И когда в полночь со стороны рощи до охранников свалки долетело: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальём!» — те весело рассмеялись:

— Праздник у бомжар, весна пришла.

Одинокая парта

Шестиклассник Алёша шёл в школу последний раз, хотя мог и не идти. Но он всё-таки решил пойти. Зачем? Если бы его спросили об этом, он, наверное, и не сумел бы ответить. Что-то притягивало Алёшку к этому ненавистному до последнего кирпича зданию. То, что здесь живёт зло, он понимал и внутренне содрогался от отвращения всякий раз, когда переступал порог этого дома.

Жёсткий ветер хлестал мальчика по лицу, как будто хотел своими пощёчинами остановить его, выбить из головы засевшую там смертную тоску, заставить вернуться домой. Снег, помогая ветру, впивался в непокрытую голову тысячами колочих иголок. Казалось, что в лице непогоды все силы добра стараются выстроить

преграду на Алёшкином пути. И чем ближе он подходил к школе, тем медленнее становился его шаг.

Мимо пробегали школьники, стараясь побыстрее оказаться в тепле. Кто-то из них дал Алёшке по шее портфелем и расхохотался, кто-то толкнул, может, и не нарочно, просто спешил и не мог вовремя остановиться. Но Алёшка уже давно перестал реагировать на них. Они были частью зла, окружавшего его со всех сторон.

Школа сверкала десятками глаз. Постояв в раздумье с минутой, он вошёл в неё, и дверь тут же захлопнулась, погрузив мальчишку в обстановку лжи и лицемерия.

Через минуту кто-то вцепился ему в рукав. Алёшка знал, что этот кто-то — она. Она всегда хватала его за руку и, глядя куда-то в сторону, начинала визжать, брызгая при этом слюной ему в лицо. «Явился, свинья! И как только таких земля носит! Опять наследил! Не пуцу в раздевалку, пока сапоги свои сраные не вымоешь! Тут тебе не хлев, а школа! — и тут же кричала дежурным: — Смотрите, ворьё пришло! За карманами смотрите!»

И все смотрели на Алёшку, смотрели, как на вора. А он, опустив глаза, старался поскорее раздеться и скрыться в какой-нибудь закуток — подальше ото всех. Алёшкины опущенные глаза и руки, которые почему-то всегда не находили себе

места, — то опраивляли рукав, то лезли в карманы брюк, то слишком долго встряхивали старое пальто, доставшееся ему от отца, — ещё больше раздражали окружающих, убеждая их в том, что он и есть вор. Что деньги, пропадающие у них из карманов, присваиваются им, хотя при частых обысках денег у Алёшки не находили. Это ещё больше злило всех, и его били. А он молчал, да и что он мог сказать! Вначале Алёшкой делались попытки оправдать себя, но эти попытки ещё больше распеяли школьников, ведь они больше верили ей — взрослому человеку, техничке, а не ему. Она же всегда любила напомнить при всех: «Лично схватила за руку!»

И были свидетели. Оправдываться было уже поздно и бесполезно.

А началось всё с того, что, возвращаясь из туалета, Алёшка увидел, как она в раздевалке шарит по карманам. Он хотел пройти незамеченным, но она вдруг резко повернулась, заметив его, вздрогнула, побледнела и чуть ли не прыжками бросилась к нему, схватила за руку и испуганно зашептала: «Ты не выдавай меня, слышь, не выдавай! На, возьми деньги, все возьми!»

Алёшке стало плохо и противно. Он замотал головой, при этом стараясь освободиться от её хватки. Но она, будто клещ, вцепилась в его руку. После нескольких секунд испуга её недалёкий умишко сообразил невероятно

паскудную мысль. Она вдруг резким движением засунула ему в карман украденные деньги и тут же, пока он не успел опомниться, схватила его за обе руки, втащила в раздевалку и завопила на всю школу: «Вора, вора поймала! Скорее, вора!»

Двери кабинетов распахнулись, и ученики с учителями тут же окружили его с ней. «Проверьте у него карманы!» — орала она.

Алёшка стал вырываться, кричать, что это неправда. Но его не слушали, деньги у него вынули, а она тут же показала пальто, из которых эти деньги были украдены. Ей вынесли благодарность за бдительность, а Алёшку в тот же день побили. Побили и дома.

Сегодня школа встретила его так же враждебно. Сняв пальто, мальчик спрятался в свой закуток под лестницей в надежде переждать там общешкольную линейку, зная при этом, что всё равно будет найден и препровождён в спортзал. Эта игра в прятки игралась между ним и другими обитателями школы уже давно. И они ещё ни разу не проигрывали.

Прозвенел звонок, и игра началась, закончившись в спортзале, где проходила линейка. Сейчас выступит директор. Будет говорить о том, что надо подналечь всем на учёбу и дисциплину, что за последнюю неделю было получено столько-то двоек, и что их очень много, и что раньше такого не было, и что надо не подкачать

и вывести школу на передовые позиции. Ему похлопают, хотя его никто и не слушал. Потом начнёт своё выступление заместитель директора. Она вызовет на середину зала наиболее отчаянных ребят и начнёт их казнить. Особенно достанется ему, Алёшке. Будет сказано, что он постоянно грязен, что от него вечно пахнет навозом и возле него неприятно находиться, что костюм его не чищен, а рубашка похожа на половую тряпку, что за последнюю неделю он получил массу двоек, что на переменах он позволяет другим подметать собой пол. И все снова станут смеяться, а после линейки завалят его и протаскают за ноги по коридору на глазах у учителей. Учителя же, отвернувшись, заговорят о том, какой он неприятный ребёнок, и что давно пора избавиться от «этого идиота», который дурно влияет на всех остальных, собрать, наконец-то, все документы, свозить Алёшку к психиатру, создать комиссию и отправить его в заведение для умственно отсталых детей. А заняться всем этим должна классный руководитель.

Получая такие указания, Тамара Егоровна покрывалась пятнами. Она начинала кричать, что не обязана заниматься «этим быдлом», что пусть кто-нибудь другой идёт к нему домой и составляет акт, а её тошнит от «этого нужника», что с неё довольно походов в «этот хлев».

Тамара Егоровна и сама верила в то, что часто бывала в

Алёшкином доме, хотя заходила туда один раз и вспоминала об этом с отвращением.

Кровати были не прибраны, бельё на них грязное, маленькие дети ползали по чёрному полу и не переставая хныкали. Особенно невыносим был запах, кислый и затхлый. Спросив, где родители, и узнав, что они на работе, она ушла.

На следующий день вся школа знала про её посещение этого дома. Тамара Егоровна поделилась своими впечатлениями даже с учениками. Ох, и устроили они Алёшке...

С того дня за мальчишкой прочно утвердилась кличка «вор-навозник».

Со временем впечатления классного руководителя обросли новыми наслоениями, как снежный ком. Она уже теперь и сама не могла отличить, что правда, а что ложь. Особенно она любила рассказывать о кучах испражнений, покрывавших пол, и тараканах, кишасших на драных обоях.

Как ненавидел её Алёшка, её и всех остальных! Мысленно он расстреливал их, представляя, как они ползают перед ним на коленях, моля о пощаде. Порой он воображал себя героем, даже генералом, и они с завистью смотрели на него и отдавали ему честь.

Но это было давно. А сейчас вязкая тоска обволакивала Алёшкино тело и тёмные его глаза были плотно затянуты плёнкой безразличия.

За партой с ним никто не сидел. Брезгливость переполняла одноклассников до краёв. Парта стояла в дальнем углу класса. Была она какая-то измученная, похожая на своего хозяина. За неё никто никогда не садился. Она считалась как бы прокажённой, на ней лежало клеймо, табу. Другие парты постоянно верещали, скрипели, эта же боязно молчала, опасаясь лишним звуком привлечь к себе негодующее внимание учеников. Тяжёлые камни обличений сыпались до тех пор, пока Алёшка не ронял голову на парту и не начинал обливаться слезами.

Уже все давно забыли Алёшкино имя. Для учеников он был «вор-навозник», для учителей — «дебил», «уо», «идиот», «кретин», «дурак».

— Посмотрите на этого придурка, этого дебила, — распалась Тамара Егоровна. — Разве можно понять, что он тут нацарапал? Это же бред сумасшедшего! Не соблюдают элементарные правила грамматики, ошибка на ошибке! Что может дать нашей Родине этот... Боже мой, боже мой! Ничего не знает и знать не желает. Идиот! Твою тетрадь в руки брать страшно, ей место в туалете!

И тут же вступали одноклассники:

— Мы же вам говорили! Он же навозник, вор-навозник! Эй, навозник, в какой куче навоза ты раскопал свои тетради?

Те, которые сидели рядом с Алёшкой, начинали почти открыто плевать на него, корчить рожи и хохотать ему в лицо. Алёшка падал на парту, закрывался руками и... В классе устанавливалась относительная тишина. Дело было сделано.

Каждый учитель поступал с мальчиком по-разному. Один постоянно хватал его за ухо и выталкивал к доске, другой заставлял Алёшку приседать под общее веселье, третья не обращала на него никакого внимания, будто он и не существовал вовсе, четвёртая кричала ему, что яблоко от яблони недалеко падает, и что сын уголовника — сам будущий уголовник, и что она запретила бы рожать таким матерям «таких уродов».

Когда-то в мыслях Алёшка убивал и эту, четвёртую, а ещё раньше представлял её своей бабушкой. У него не было бабушек, и он представлял её доброй и заботливой, своей защитницей от отца и матери.

Отец, когда не сидел в тюрьме, его часто и жестоко бил. Бил всем, что попадало под руку, бил

пьяным и трезвым, бил палкой и стулом, бил головой о стену и пол, бил всегда. Он всех бил и матерно ругался. Когда отца не было, Алёшку била мать, била и обзывала «ублюдком». А он представлял ту, четвёртую, учительницу своей доброй бабушкой. Но это было давно, очень давно. Он уже забыл об этом.

Алёшка уже забыл обо всём, он только помнил, что сегодня последний его день в этой школе и вообще последний его день.

Закончились уроки, и все заспешили домой. Мальчик надел пальто и вышел на улицу. Ветер стих, ярко и холодно светило зимнее солнце. Алёшке вдруг на минуту стало грустно, грустно оттого, что сейчас не лето. Но тоска задавила грусть, и он побрёл к лесу. Солнце постепенно скрылось за тучи, пошёл снег. Снег обволакивал мальчишку, заставил сесть. Алёшке стало хорошо, так хорошо, как будто его обнимала добрая бабушка. Снег укрывал его мягким, тёплым одеялом.

Наутро его начали искать и, как ни странно, очень быстро нашли.

В тот же день заменили парту.